

УДК 008:311

Т.А. Зайцева

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

Проблема идентичности – одна из центральных в современном гуманитарном знании. Данная проблема может быть рассмотрена через определение «идентичности» и как явления, и как процесса. В качестве одного из центральных элементов, позволяющих раскрыть сущностные характеристики явления и процесса идентичности, предполагается принцип противопоставлений, дуальностей («мы» – «они», «свой» – «чужой», «другой» и т.д.). Эти дуальности наиболее ярко репрезентируются в повседневности, так как она сама может быть определена через функционирование «бинарных оппозиций». Повседневность одновременно является и определенной сферой культуры, и процессом (способ жизни), реализуемым и представленным различными механизмами.

Ключевые слова: культура повседневности, идентичность, коммуникация.

В рамках осмысления и решения проблем, характеризующих сегодняшнюю действительность, вызванных к жизни глобализационными процессами, одно из центральных мест может быть отведено кризису идентичности, ее активным поискам, связанным с необходимостью нахождения ответов на вызовы современности.

Идентичность может быть рассмотрена и как явление, и как процесс. Обращаясь к идентичности как явлению, необходимо отметить, что это «определители», «маркеры», «стереотипы» и пр., задающие границы не только «себя», но и «другого». Перечисленное, в свою очередь, предполагает некую процессуальность, а именно определение «себя» через «другого» и «других» через «себя». То есть идентичность – это не только «я», но и обязательно «другой».

Наличие отмеченного противопоставления предполагает выработку механизмов репрезентации идентичности на социальном и индивидуальном уровнях, демонстрации отношения и позиции к «себе» и «другому», что попадает в проблемную область диалога и толерантности.

Определение идентичности – детерминированный процесс, зависящий от устойчивых (консервативных) факторов и от более динамичных переменных, что часто приходит в противоречие друг с другом, вызывая кризис идентичности. Быстрые социальные, экономические и политические трансформации, вызывающие глубокие внутренние сломы, не всегда сопровождаются столь же стремительными ментальными изменениями, затрагивающими стереотипы, лежащие в основе мировоззренческих установок. Это также способствует потере идентичности, активизации поиска «себя» и «другого».

Отмеченные явления не могут быть исследованы усилиями одной науки, так как вызваны к жизни противоречивой и многогранной реальностью. Проблематизация должна происходить в рамках гуманитарного знания в целом и

в тех его областях, которые в наибольшей степени соответствуют междисциплинарному характеру. В качестве такового может быть определена культура повседневности. Обращение к миру повседневности в значительной степени расширяет границы изучения культуры в контексте проблем современности.

Культура повседневности, как феномен, включает в себя универсализм и единичность практик и переживаний, объективный и субъективный опыт, общественный (социальный) и индивидуальный. Данный специфический статус культуры повседневности позволяет ей особенно ярко демонстрировать общее и особенное в культурах, обозначая основные узлы противоречий, связанные, с одной стороны, с тенденциями к унификации и нивелированию конкретных культур, а с другой – к подчеркиванию уникальности и неповторимости культурного опыта. Таким образом, мир повседневности предстает не как сплошное пространство, но может быть дифференцирован по различным признакам и основаниям, в качестве которых выступают социокультурные, региональные, географические, экологические, экономические и прочие маркеры.

Отмеченная значимость культуры повседневности как феномена и ее неоднозначное восприятие, связанное с трудностью определения границ понятия и явления, требуют определенной проблематизации.

Мир повседневности может быть определен как пространство, наполненное фактами, вещами, практиками и пр., не вызывающими сомнения, проверенными опытом (социальным и индивидуальным). Оказываясь в этом пространстве, они становятся истиной, определяют характер бытия, формируют мировоззрение, стереотипы и ориентиры, делающие существование человека осмысленным, опирающимся на некие правила и нормы, сформировавшиеся в жизненной среде. Таким образом, все, что нуждается в укоренении, восприятии и принятии, должно попасть в мир повседневности. В этом видится одна из важнейших ее характеристик – она делает внешние, чуждые элементы «своими». Любой факт, идея, представление, какими бы фантастическими они ни были, войдя в повседневность, становятся жизнеспособными и функциональными в рамках той или иной культурной традиции и начинают мыслиться как реальное, то, в чем не сомневаются.

Но как определить границы повседневного? В исследованиях последних лет обращают на себя внимание работы Б. Вандельфельса, который пытается задать границы явления через противопоставление «повседневность – неповседневность». Дефиниции заявленных противоположностей включают в себя: субъективное переживание, типичные практические действия, длительные ритмы, подвижные формы рациональности, с одной стороны; с другой – объективные структуры и процессы, индивидуальные и коллективные деяния, однократные эпохальные события, идеальные конструкции и точные методы [1].

Исходя из представленного, можно сделать вывод, что для повседневного характерны: разнообразное восприятие (индивидуальное и социальное) одного и того же события на эмоционально-чувственном и рациональном уровнях; повторяемость и привычка, вырастающие из реальной действительности, ее освоения; непрерывность и возвратность; меняющееся восприятие, осмысление и освоение реальности в связи с ее изменчивостью. Неповседневность характеризуется: независимостью от отдельного индивида, социальной группы, общества, культуры, от их воли и желания; значимыми свершения-

ми, имеющими статус единичного; нециклическостью и неповторяемостью; моделированием реальности, выработкой способов построения и изучения этой модели.

Заданные параметры повседневного могут быть рассмотрены и в контексте проблем идентичности. Так как проблема идентичности напрямую связана с формами и практиками определения «другого», «чужого» и «своего», то встает вопрос о принципах и механизмах дифференциации. Наиболее универсальный принцип – это выстраивание «бинарных оппозиций». Этот принцип, как было выяснено выше, свойствен и самому определению повседневности, бытовому в культуре, она одновременно и определенная сфера культуры (жизнедеятельности человека, общества), и процесс (способ жизни), реализуемый и представленный различными механизмами.

Таким образом, обращение к культуре повседневности делает более очевидными принципы дифференциации различных культур, осуществляемой по разным признакам и основаниям, а также единого культурного пространства на отдельные составляющие. Кроме того, обращение к повседневности позволяет включить в поле зрения исследователя аспекты, связанные с непосредственным функционированием структурных элементов культуры в их предметном (вещном) и знаковом (символическом) воплощениях. Через исследование повседневности открываются новые возможности в области изучения основ формирования картины мира, смыслообразующих установок. То есть повседневность может быть рассмотрена как живое пространство, где проявляют себя механизмы формирования стереотипов, ментальных установок и мировоззрения в целом. Кроме того, мир повседневности способствует воссозданию реального (живого) образа культуры как целого, культурных миров отдельных социальных групп и слоев, принципов и способов их взаимодействия в рамках единого культурного пространства, представления друг о друге и о самих себе.

Обращение к повседневному может не только подтвердить наличие противоречий и сложностей в происходящих сегодня процессах, характеризующихся, с одной стороны, поляризацией и центробежными тенденциями, с другой – осознаваемой необходимостью поиска новых основ совместного сосуществования мирового сообщества, но и помочь преодолению этих противоречий, повышению уровня толерантности, что напрямую связано с проблемой идентичности. Действительно, не зная «себя», не имея представления о границах «своего», сложно и практически невозможно выстраивать отношения с «другим». Трансформация представлений о себе с необходимостью ведет к изменению образа «другого», что требует поиска новых оснований для выстраивания взаимодействий.

В качестве подобного взаимодействия может быть рассмотрен диалог. Однако всякий диалог априорно предполагает наличие «другого», причем с отличной позицией, и этот другой готов демонстрировать, отстаивать свою позицию. То есть для успешного развития диалога также нужно определиться с идентичностью, чтобы возникла необходимая для него почва.

Обращение к конкретному культурному опыту, рассматриваемому сквозь призму такого универсального явления, каким является повседневность, не-

сомненно, способствует выработке толерантного отношения к «иному», «чужому», «другому» и готовности к межкультурному диалогу.

Рассматривая пространство повседневности как мир реалий культуры, где бытуют представления о себе и других, внутреннем и внешнем, земном и мирском, сакральном и профанном, что находит отражение во всех структурных элементах культуры повседневности (одежде, доме, еде, досуге, социальных образах, представлениях о теле и т.д.), можно говорить о ее мощном дифференцирующем начале и большой функциональной нагруженности.

Функциональную сторону повседневности сложно переоценить. В ней человек реализует себя в рамках различных социокультурных ролей, в ней он «потребляет» внешний мир в безопасных и привычных для себя дозах и формах. Она делает мир понятным и соразмерным человеку. При этом повседневность задает четкие рамки и границы, используя универсальный механизм дифференциации (мы – они, свое – чужое, здесь – там), где «мы», «свое», «здесь» – это понятное, соразмерное, доступное, а значит, безопасное, в то время как «они», «чужое», «там» – непонятное, внушающее чувство страха и неуверенности и как следствие – отторгаемое.

При этом человек готов «потреблять» это чужое и непонятное, но в комфортных и приемлемых для себя условиях (в музеях, театрах, кинотеатрах, на выставках, по телевидению и т.п.). Это кратковременное «потребление», подразумевающее наличие осознаваемой дистанции, возможности прервать контакт в любой момент и не подразумевающее полного отказа от привычной и понятной системы координат, заданной «своей» повседневностью. То есть человек (общество) не может отказаться от чужого (другого), оно ему необходимо для формирования самого себя, определения границ своего мира.

В этом вновь видится особая ценность повседневного и повседневности, в рамках которых не просто констатируется инаковость и отличительность, но показывается, почему, в силу каких причин формируется иное социокультурное пространство, иные способы репрезентации собственной уникальности, выстраивания отношений с внешним окружением, принципы вхождения в общепризнанное культурное пространство и позиционирования себя в нем.

Таким образом, обращение к такому сложному феномену, как культура повседневности, может способствовать формированию механизмов понимания, адекватного восприятия, принятия другого, иной культуры, чужой реальности, поскольку именно повседневность ставит различный культурный опыт в равные условия, что создает почву для эффективного межкультурного диалога и преодоления кризиса идентичности.

Литература

1. Ванедельфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социо-Логос. М. : Прогресс, 1991. Вып. 1. Общество и сфера смысла. С. 17–23.
2. Лелеко В.Д. Культурология повседневности : становление и современное состояние // Фундаментальные проблемы культурологии : в 4 т. / отв. ред. Д.Л. Спивак. СПб. : Алетейя, 2008. Т. 1. Теория культуры. С. 377–390.